Текст: Владимир Нордвик

НАТАЛИЯ СОЛЖЕНИЦЫНА: ВЕСЬ ТЕКСТ ПРОНИЗАН БОЛЬЮ

ВДОВА ПИСАТЕЛЯ РАССКАЗАЛА «РОДИНЕ» О ТОМ, КАК СОЗДАВАЛАСЬ ЗНАМЕНИТАЯ СТАТЬЯ «РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ»

Никто лучше Наталии Солженицыной не посвящен в обстоятельства написания Александром Исаевичем в начале восьмидесятых годов прошлого века публицистической работы «Размышления над Февральской революцией», которую «Родина» готовится издать специальным выпуском (см. 2-ю обложку — **Ред.**).

Ей, Наталии Дмитриевне, и слово.

«Колесо» покатилось

— Вы, конечно, помните эти строки, Наталия Дмитриевна: «Февраль. Достать чернил и плакать. Писать о феврале навзрыд...» А цитировал ли один нобелевский лауреат эти строки другого нобелевского лауреата, когда писал о феврале 17-го?

— В связи со своей работой — нет, конечно.

[1] А.И. Солженицын. Размышления над Февральской революцией. Издательство: Российская газета. 2007 год.

[2] И. Владимиров. Уличный бой 27 февраля. Журнал «Искры». 14 мая 1917 года.

«Февраль...» Пастернака совсем не о революции, и вообще написан в 1913 году. Но верно то, что в ходе работы Александр Исаевич вчитывался и в поэтов первой четверти двадцатого века. У меня была большая поэтическая библиотека, Александр Исаевич даже называл меня «книжной стяжательницей». Сам он не собирал ни книг, ни чего-либо иного, никогда не был коллекционером — сначала по обстоятельствам жизни, а потом и по убеждению. Он считал, что иметь, обладать надо лишь действительно необходимым. Бытовых требований у него было мало. При той-то жизни, которую он прожил, при почти нищих детстве и юности... Александр Исаевич рассказывал сыновьям эпизод из своей студенческой молодости, когда он случайно сел в светлых брюках на скамью с разлитыми чернилами. Осталось пятно, с которым он проходил все годы учебы в Ростовском университете. Денег на покупку другой пары брюк не было.

Они жили вдвоем с матерью в тяжелых условиях. Печь топили углем, который носили издалека в ведре. Как и воду. Канализации, водопровода в доме не было, все удобства во дворе... Мать, с прекрасным знанием иностранных языков, служила в череде советских контор всего лишь стенографисткой, на другую работу ее не брали. После седьмого класса Саня пытался уйти из школы в индустриальный техникум, чтобы поскорее получить рабочую специальность и заработок, облегчить маме жизнь, но она горячо настаивала продолжать учебу, ее мечтой и целью было высшее образование для сына. Они с трудом сводили концы с концами. Есть фото 1936 года, сделанное сразу после выпуска из школы. На ней юноша худой-прехудой, почти прозрачный.

Но я не помню, чтобы Александр Исаевич когда-нибудь жаловался на какие-либо неудобства. Для того, чтобы работать, ему нужны были лишь две вещи: много света и тишина. Всё! Он легко переносил холод, был неприхотлив в одежде и еде. Любил картошку в любых видах, домашние котлеты, обязательные щи, готов был есть их 365 дней в году...

Впрочем, я отвлеклась. Так мы можем долго вспоминать, но это не приблизит нас к теме сегодняшнего разговора.

— Когда вы впервые услышали от Александра Исаевича, что он хочет писать о Феврале?

— Да при первом же знакомстве. Солженицын с юности жил с замыслом писать о русской революции, с восемнадцати лет, и всегда понимал его как главный замысел своей жизни. На другие книги отвлекался, как он говорил, «по особенностям своей биографии и густоте современных впечатлений». «В круге первом», «Иван Денисович», «Архипелаг ГУЛАГ», «Раковый корпус», — он откатывал одно за другим, как неизбежные «бревна», которые жизнь выкатила на его пути к «Красному Колесу». Конечно, основным событием ему тогда виделся не февраль 17-го, а, как говорили в советские времена, Великий Октябрь.

— Виделся событием со знаком плюс?

— В юности — да. Хотя и не без вопросов: поче-

> **СОЛЖЕНИЦЫН С ЮНОСТИ ЖИЛ С ЗАМЫСЛОМ ПИСАТЬ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.** КОНЕЧНО, ОСНОВНЫМ СОБЫТИЕМ ЕМУ ТОГДА ВИДЕЛСЯ НЕ ФЕВРАЛЬ 17-го, А, КАК ГОВОРИЛИ В СОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА, ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

му все так произошло, могло ли быть по-другому? Солженицын жил в Ростове-на-Дону, бывал и в Новочеркасске. Тогда в этих городах юга России даже камни все еще оставались нагреты жаром гражданской войны. А у многих старших читалось во взглядах: как эта революция приключилась, где ее корни? Почему трехсотлетняя монархия развалилась в три дня, рухнула от легкого толчка, и никто не защитил ее, даже не попытался?

Первые главы будущей эпопеи Александр Исаевич написал на втором курсе физмата университета. Он уже тогда понимал, что без Первой мировой войны к революции не подступиться, сидел в библиотеке имени Карла Маркса на Казанской улице в Ростове и конспектировал военные труды, посвященные «самсоновской катастрофе». Это сокрушительное поражение 2-й русской армии в Восточной

*3
США, Вермонт. Александр и Наталия Солженицыны за работой над «Красным Колесом».

*4
И. Владимиров. Долой орла. 1918 год.

Пруссии стало отправной точкой в работе над романом.

— А еще одного нобелевского лауреата — Шолохова — Солженицын держал в уме?

— Вот уж нет. «Тихий Дон» Александр Исаевич всегда считал великим романом, но он ведь вырос в Ростове, где в те годы ни один человек не верил в авторство Шолохова. Ни один! Об этом открыто говорили до того момента, пока Серафимович с группой товарищей не опубликовал в 1929 году в «Правде» статью, что враги пролетарской диктатуры распространяют злостную клевету о пролетарском писателе Шолохове, и за такую клевету полагается судебная ответственность. После этого разговоры смолкли, но мнение не переменилось.

В качестве вдохновляющего примера и недостижимого идеала Солженицын видел «Войну и мир» Толстого. Роман он прочитал в десять лет и был совершенно сотрясен им. Да, ребенок не заинтересовался любовной линией, масонство Пьера ему показалось скучным, но формат эпопеи и огромный исторический охват произвели на него неизгладимое впечатление. Примерно в то же время он прочел и «Дни» Шульгина, изданные «по недосмотру»: книга свидетельствовала явно не в пользу большевиков.

Прошло еще семь лет, и два этих впечатления, соединившись, определили начало работы над «Колесом». Вплотную Александр Исаевич занялся эпопеей в конце шестидесятых. Первый Узел, «Август Четырнадцатого», он написал быстро и летом 71-го года уже опубликовал его. После чего сразу принялся за «Октябрь Шестнадцатого». Но многие исторические материалы и целые архивы открылись лишь после 1974 года, когда его лишили советского гражданства и выслали из страны.

Большевики полностью исключили Февральскую революцию из тем для рассмотрения и изучения, затирали, скрывали, глубоко ее запихали. Что, в общем-то, вполне логично: ведь радикальная перемена — свержение монархии и полное изменение государственного устройства России — произошла в феврале 17-го, а не в октябре, как нас пытались убедить. По сути, Ленин и сотоварищи просто подняли из пыли власть, оброненную Временным правительством. Не большевики были причиной того, что Временное правительство власть не удержало. Но вот ухватить ее спроворились только они.

— Когда Александр Исаевич получил доступ к архиву русской революции в институте Гувера?

— В 75-м мы провели там пару недель, знакомились с тем, что предстоит изучать, работали плотно, в четыре руки. К следующему лету Солженицын уже определил фронт работ и целенаправленно просидел в архиве два месяца. Часов по шестнадцать каждый день читал, делал выписки. Александр Исаевич готовился к написанию «Марта Семнадцатого», и перед ним обнажились огромные пласты прежде не изученных материалов. В СССР они были ему попросту недоступны. А в Гуверовскую «башню» мог прийти любой исследователь и прочесть исто-

05

рические документы. Другое дело, что там, как и в большинстве архивов, до сих пор большое количество запечатанных коробок с неописанными материалами. Элементарно не доходят руки: был бы нужен целый штат специалистов, знающих русский язык и имеющих какое-то представление о нашей истории. Герберт Гувер, который еще в 1919 году пожертвовал Стэнфордскому университету значительную сумму на создание библиотеки и архива, с 1918 по 1923 годы возглавлял американскую организацию помощи (АРА), помогавшую Европе и России после разорений Мировой войны, а затем и во время нашего голода в Поволжье. При его прямом содействии из советской России было вывезено множество бесценных документов, в том числе дореволюционных и раннесоветских печатных изданий. Не только из Москвы и Петрограда, но и из провинции. Ни с чем несравнимая ценность, по-

Суббота, 4-го марта 1917 г. ИЗДАНІЯ ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ. Суббота, 4-го марта 1917 г.

РУССКОЕ СЛОВО

№ 50 № 50

Въ этомъ № ШЕСТЬ страницъ.

Отъ редакціи журнала „ИСКРЫ".

Софьи Николаевны ГОРБОВОЙ,

Леонидъ Васильевичъ СУШЕНКОВЪ

Альбина Осиповича ЗЕЙЦЪ.

Владиміра Ивановича ИВАНОВА,

Бориса Ивановича ЭЛЬСТЕ,

БОРИСА ИВАНОВИЧА ЭЛЬСТЕ.

Николай Ивановичъ ФЛОРЪ

САМСОНОВИЧЪ

ПРИКАЗЪ по войскамъ Московскаго гарнизона

ПРИКАЗЪ по войскамъ московскаго гарнизона

ОТРЕЧЕНІЕ НИКОЛАЯ II.

Обращеніе къ народу Великаго Князя Михаила Александровича.

Манифестъ.

Какъ произошло отреченіе

Приказъ генерала Брусилова.

Обращеніе къ народу Вел. Князя Михаила Александровича.

Отреченіе.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНКЪ

06

добного на Западе нет больше нигде. Ну, у нас-то, наверное, многое сохранилось, но в каких-то совсем уж засекреченных архивах, человеку без «допуска» и перелистать не дадут. А в Гуверовском институте никаких ограничений для работы не было.

Обилие материала поддерживало и обнадеживало, потому что будущий «летописец Революции» сам ужасался грандиозности замысла и трудности воплощения, но, еще лишь обдумывая работу над «Красным Колесом», в 1965 году писал: «А тем, кто будет приходить после нас, будет еще труднее. Для них потеряются последние ощущения современности тех событий. Они будут рассматривать их как исторические, как декабристов, Новгород или наполеоновскую войну».

°5
1936 год. Выпускник ростовской школы Саня Солженицын.

°6
Работая над «Мартом Семнадцатого», Солженицын перечитал всю доступную периодику того времени.

Царский «противодар»

— После 76-го года Солженицын в Стэнфорд не возвращался?

— Нет, но постоянно заказывал материалы, которые требовались для работы. Из Гувера нам «пудами» слали ксерокопии нужных материалов.

А в какой-то момент в архиве решили микрофильмы российских и советских газет переписать на новый, более современный носитель информации, а пленки выкинуть. Мы спросили: «А нельзя ли выкинуть в нашу сторону?» Нам ответили: «Да на здоровье, забирайте!»

Так мы стали счастливыми обладателями колоссальной коллекции микрофильмов, которая пока хранится в Троице-Лыково, но в скором времени я собираюсь отдать ее в общественное пользование.

°7
Фильмокопии российских газет из Гуверовского института сегодня хранятся в Троице-Лыково.

°8
На этой электронной пишущей машинке Наталия Дмитриевна перепечатывала все тексты мужа, написанные в США.

Для Александра Исаевича «домашний» архив газет был огромным везением, он значительно ускорил и обогатил его работу. На фильмоскопе с большим экраном (мы называли его «одоробло») Солженицын перечитал все петроградские газеты предреволюционных и революционных лет, все московские и все провинциальные. Со страниц била обжигающая лава — и захватывающая, и жуткая... Он болел русской революцией. По часам и дням в документально-художественном повествовании описал февраль и март 1917-го, в точных деталях и подробностях передал взрывное течение времени. В мировой литературе этому нет аналогов.

В годы работы над «Красным Колесом» Александр Исаевич жил сосредоточенно, по им самим установленному распорядку. Вставал рано, на завтрак выпивал чашку кофе и часов в восемь уже сидел за письменным столом. С короткими перерывами работал до двух-трех часов дня. В пять часов или в половине шестого, когда дети возвращались из школы, был общий семейный обед. А вечером всегда читал.

— Для души?

— Для работы! Лишь года с 82-го стал позволять себе чтение для удовольствия. Из этого позже родилась «Литературная коллекция»: заметки читателя, случайно оказавшегося и писателем. Теперь напечатано уже три десятка очерков из «Коллекции».

Но это, повторяю, начало-середина восьмидесятых, а до того на протяжении долгих лет Александр Исаевич каждый вечер читал источники, книги и материалы, делал пометки, готовился к тому, чем ему предстояло заниматься в ближайшие дни. В часе езды от нашего вермонтского дома (но уже в Нью-Хэмпшире) располагался Дартмут Колледж, где замечательная библиотека. Через нее по межуниверситетскому абонементу Александр Исаевич получал книги со всего мира — из Франции, Бельгии, Японии, Финляндии... Книги нужно было вовремя вернуть, поэтому мы делали ксерокопии того, что могло пригодиться в будущем. Плюс — эмигранты первой волны сразу по изгнании Солженицына присылали ему по собственной инициативе все, что

было издано по Первой мировой войне и Февральской революции. Каждый автор излагал собственную версию случившейся с Россией трагедии. Генералы, кадеты, чиновники, эсеры, меньшевики... Все-все-все! Фактически нам даже не пришлось ничего искать по букинистическим магазинам. Библиотека «Красного Колеса» огромна, она насчитывает тысячи единиц хранения. На многих страницах пометки, сделанные рукой Солженицына, его комментарии. Конечно, и это все я сделаю общедоступным.

— Что из прочитанного по теме стало для Солженицына наибольшим откровением, как он сам говорил, «умственным поворотом»?

— Подобно многим родившимся и выросшим в СССР на определенном этапе он тоже был жертвой большевистской мифологии. Людям вдалбливали в головы, что Великую революцию совершил Великий Октябрь, а Февральская буржуазная — проходное, малозначительное событие. Те, кто стряхивали с себя это представление (Солженицын — в том числе), усваивали, возвращались к представлению «освобожденческому», по которому в Феврале Россия «достигла свободы, желанной поколениями, и вся справедливо ликовала, и нежно колыхала эту свободу, однако, увы, увы — всего восемь месяцев, из-за одних лишь злодеев-большевиков, которые всю свободу потопили в крови и повернули страну к гибели...». В автобиографических «Очерках изгнания» («Угодило зернышко промеж двух жерновов») Александр Исаевич пишет, как при знакомстве с огромным живым материалом предфевральских и февральских дней, с воспоминаниями сотен очевидцев, с лозунгами, сплетнями, газетной трескотней и газетными ярлыками, полной несвязанностью столичных событий со страной ему открылась совершенно иная картина, и он был ею сотрясен.

Погружаясь в этот вал документов в Гуверовской башне, Александр Исаевич сначала с изумлением, а потом и с омерзением открывал, «какой низостью, подлостью, лицемерием, рабским всеединством, подавлением инодумающих были отмечены первые же дни этой будто бы светоносной революции... Неотвратимая потерянность России — зазияла уже в первые дни марта». Убийства городовых, грабежи и разбой, полное беззаконие, буйство и жестокость на петроградских улицах никем не пресекались, никак не наказывались и даже не осуждались. Никого не смущали кровавые пятна, которыми сразу же были заляпаны священные ризы свободы и демократии. Со всех сторон слышалось только ликование. Здравые голоса людей сомневавшихся, призывавших остановить анархию пока не поздно, тонули в обезумевшем хоре.

При этом никто не ожидал, что царь в мгновение ока нарушит несколько статей конституции, отречется от трона за себя и за сына, его младший брат Михаил Александрович тоже откажется принять корону и отдаст власть Учредительному собранию, которого ведь не существовало... Династия покончила с собой.

— Александр Исаевич не стесняется в выражениях в адрес главного виновника «торжества»: «За крушение корабля — кто отвечает больше капитана?.. Слабый царь — он предал нас на все дальнейшее...».

— По сути, так и было. К Николаю II как к человеку, кроткому и чистому, Солженицын всегда относился с глубоким сочувствием, но остро страдал от сознания, что во главе России в ее роковые годы стоял такой слабый правитель. В час великой национальной опасности император самоустранился, безвольно бросил единственно верную свою позицию в Ставке и, тревожась о заболевших детях, устремился в капкан Царского Села.

— Еще Солженицын использует слово «противодар».

09

АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СНАЧАЛА С ИЗУМЛЕНИЕМ, А ПОТОМ И С ОМЕРЗЕНИЕМ ОТКРЫВАЛ, «КАКОЙ НИЗОСТЬЮ, ПОДЛОСТЬЮ, ЛИЦЕМЕРИЕМ... БЫЛИ ОТМЕЧЕНЫ ПЕРВЫЕ ЖЕ ДНИ ЭТОЙ БУДТО БЫ СВЕТОНОСНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

— Да, он пишет, что у последнего государя был противодар — притягивать к себе ничтожества и держаться за них. Николай II умудрялся последовательно изыскивать и назначать на государственные и военные посты людей худших и ненадежных, его же вскоре и предавших. Единственное исключение составил Петр Столыпин, который вытащил Россию из пропасти после 1905 года. Но его сам царь вскоре предал...

Придворные, министры, главнокомандующие — все покинули престол, даже не попытались бороться. Готовно отдавая трон, государь надеялся предотвратить кровопролитие, но братоубийственная гражданская война все равно разразилась, толь-

ко белое движение лишилось тронного знамени, и лозунги вождей его, Деникина, Врангеля, Колчака, не были едины.

К Февральской революции привел накал ненависти между образованным классом и властью, нараставший в России на протяжении ста лет, таков вывод Солженицына. Диалог был невозможен, любые конструктивные, разумные решения недостижимы. Возникло мощное радикальное Поле, направленное против власти, оно пронизало все сколько-нибудь просвещенные слои общества, включая и чиновные круги, армию, даже духовенство. Новые сокосновения лишь умножали истребительный потенциал. Затянувшаяся дуэль между обществом и троном не прошла даром: в марте

17-го оба противника рухнули замертво. Временное правительство и двух дней не имело полновластья, кресло из-под него выдернул самозваный Исполком совета депутатов, какие-то мелкие партийные социалисты, а поле битвы — по обыкновению — досталось мародерам. В нашем конкретном случае — большевикам.

Это страшный урок, но, кажется, у нас в России он до сих пор и не выучен...

Чувство горечи

— Когда читаешь «Размышления над Февральской революцией», чувствуешь сквозящее между строчек чувство горечи.

— Не только между строчек, весь текст пронизан болью! Александра Исаевича не покидало горькое сознание разразившейся над Родиной беды. Безусловно, для революции сложились определенные объективные предпосылки, но много и случайных обстоятельств сошлись в одной точке, отчего события развивались по самому жестокому для России сценарию.

*9 Манифестация в Петрограде 18 июня 1917 года. Журнал «Искры» 2 июля 1917 года.

*10 Для работы Александру Исаевичу требовались тишина и много света.

— Собственно, об этом Солженицын и пишет: «Последствия наших самых несомненных действий вдруг проявляются противоположно нашим ожиданиям».

Хотели как лучше, а получилось как всегда.

— В «Размышлениях» он постоянно обрывал себя: мол, история не терпит сослагательного наклонения, — и тут же опять писал: если бы... Не запретишь ведь себе думать, как развивалась бы история нашей страны, не проскочи она по ошибке, невнимательности или недоумию вождей важный поворот...

— Когда было решено издать «Размышления» отдельно от «Красного Колеса»?

— Работа над «Мартом Семнадцатого» шла десять лет — до 1986 года. Вот вы говорите: горечь. Александр Исаевич так был погружен, так в нем все горело, как будто жил в том времени, и ему хотелось напрямую поделиться с читателем своими горькими открытиями, так что каждую из четырех книг, входящих в «Март», он завершал подытоживающей главой.

Я была первочитателем, критиком и редактором всего, что писал в те годы Александр Исаевич. И я пыталась, сначала безуспешно, убедить его, что этим главам — прямым от автора и, по сути, публицистическим — не место в романе, надо вынести их отдельной сплоткой и когда-нибудь дать самостоятельную жизнь. Надо сказать, что помимо меня у Александра Исаевича был еще один собеседник, с которым он все четверть века работы над «Красным Колесом» делил мучительность поисков и радость находок, — это «Дневник Р-17», или «Дневник Романа» (Р-17 можно расшифровывать как «Революция-1917» либо «Роман-1917», как вам больше нравится). Александр Исаевич не вел обычного дневника, это был именно дневник работы, на его страницах автор сам с собой спорил, оценивал достоверность источников, мучился выбором художественных средств. Когда мы «Дневник» опубликуем, читатель увидит необычного Солженицына, который страдает, сомневается, жалеет, что взялся за столь непосильную работу, как эпопея о революции, одновременно робеет и восхищается величием храма, который ему предстоит построить.

Так вот, в «Дневнике» есть запись, от 27 марта 1985 года:

«Аля уже давно горячо убеждает меня снять четыре заключительных (по томам) обзорных главы из «Марта»: что это подрывает работу художника, высовывая вместо того публицистику, прямотой и резкостью опрокидывает достигнутое убеждение читателя и завоевание сердец; что это уязвимо для оппонентного цитирования. И правда: как всякая схема, эти главы самое важное все равно не улавливают, оно в романе.

Я более полугода сопротивлялся: есть наслаждение высказаться от себя прямо, довести суждения до точных формулировок. Да уже все четыре написаны, и переписаны, во 2-й редакции. Там есть важные мысли, которые могут и ускользнуть от читателя «Марта» без них. <...>

Напоминает Аля: за последние годы я повторял: «выводов от художника не ждите», — и вот даю?

...Если не спускаться от художественного уровня к публицистическому — так и не спускаться!

Да, отделить чёткие выводы от художественной ткани — это, кажется, неизбежный шаг».

Он все еще колеблется, но на следующий день, 28 марта, в дневнике появляется еще одна строка:

«Да, решил окончательно».

— Аля, надо полагать, вы, Наталия Дмитриевна?

— Ну да, сокращенное от Наталии.

— А вы его как величали?

— Саней. Все близкие звали его так...

Словом, мне удалось убедить Александра Исаевича не оставлять резюмирующие главы в ткани романа. Потом он ни разу не пожалел об этом.

«Размышления» впервые были опубликованы в журнале «Москва» в 1995 году. Мы дружили и очень любили Леонида Ивановича Бородина, главного редактора «Москвы», и Солженицын отдал текст ему.

— Публикацию в России заметили?

— Вряд ли. Разве стране было до этого? Вы же помните, что творилось в те годы...

А вот в 2007-м, когда «Российская газета» напечатала «Размышления» в виде брошюры, это имело резонанс, и даже развернулась дискуссия в разных СМИ. Помню, Григорий Явлинский спорил с Александром Исаевичем...

— Лично?

— Заочно, конечно, в прессе. У нас собралась толстая папка с публикациями и откликами. Десять лет назад народ думал уже не только о том, как прожить, где найти деньги на еду, как в девяностые, но и стал оглядываться по сторонам, в том числе, в прошлое своей страны.

— А сейчас «Размышления» обретают новую актуальность?

— Сложно сказать. Столетие революции — дата звучная. Но отнесутся к ней формально или же захотят больше узнать, осмыслить, вынести остерегающие уроки... Не берусь судить. Посмотрим.

— Почва для параллелей через век есть, как вам кажется?

— Нет. Если только попытаться искусственно их протянуть. Наша современная действительность более всего походила на февраль 17-го четверть века назад, в начале 90-х. В конце 1991-го Солженицын записал: «Эти семьдесят пять лет немилосердно накладывались на нашу страну — все новыми, новыми давящими слоями, отбивая память о прошлом, не давая вздохнуть, опомниться, понять дорогу. И опять мы на той же самой, февральской... К хаосу, к раздиру, на клочки. И демократы наши, как и в 17-м году, получив власть, не знают, как ее вести. И не мужественны, и не профессиональны».

И двадцать лет назад, в 97-м, ситуация была зыбкой. Слабый, больной президент Ельцин, притушенный, но не погашенный военный конфликт внутри страны, продолжавшая падать экономика... А сегодня у нас много внутренних проблем, тре-

° 11
«Красное Колесо» А.И. Солженицына.

° 12
Народный праздник — 1 мая 1917 года. Невский проспект.

° 13
Страница «Красного Колеса» с правкой и комментариями Наталии Дмитриевны (черными чернилами) и Александра Исаевича (синими). То, с чем он соглашался, А.И. помечал крестом. Несогласие обязательно мотивировал.

СТОЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИИ — ДАТА ЗВУЧНАЯ. НО ОТНЕСУТСЯ К НЕЙ ФОРМАЛЬНО ИЛИ ЖЕ ЗАХОТЯТ БОЛЬШЕ УЗНАТЬ, ОСМЫСЛИТЬ. ВЫНЕСТИ ОСТЕРЕГАЮЩИЕ УРОКИ... НЕ БЕРУСЬ СУДИТЬ

не был задет. В субботу, когда он пересекал Петроград, это казалось из обычных рабочих волнений, какие бывали не раз. В воскресенье, когда из Петрограда уезжал — совсем тихо. В понедельник в Москве — как будто покойно, он ничего не заметил. А вторник был пропущен целиком, по его слабости, у Калисы.

А впрочем — в чем пропущен? Может быть в Петрограде он пропустил, да, где вс+ совершалось первично. И если б Алина не сорвала его — он и должен бы уезжать из Петрограда в понедельник утром, и как раз бы неная во вс+ кипение и как раз бы невольно участвовал? (Может быть, эта тревога, охватившая его в Мустамяках, когда он колол дрова, — это и было предчувствие событий? А он не понял...) Но что он мог бы сделать в Москве вчера? — как вот и сейчас, сегодня? Вот был — штаб Военного округа, назначенные военные власти, обо вс+м уведомленные, присутствующие на своих постах — и не предпринявшие ничего. Генерал Мрозовский прятался у себя на квартире и не появлялся. В обезглавленном штабе царил развал, паника и самоустранение.

Узнавая от штабных, что происходило в Москве вчера и что сегодня, Воротынцев, конечно, скрывал от них, что само здесь уже третий день, и что сам из Петрограда. Невозможно было признаться, что и там, и здесь он вс+ пропустил. Он набирался, что был отторжен дорогою.

А — что вчера произошло в Москве? Своих событий, никаких особенных — ни столкновений, ни уличной стрельбы, ни захватов правительственных зданий, ни арестов должностных лиц. И сегодня — работает водопровод, освещение, телефон, банки, торговые и присутственные места, вс+ обычным порядком, нет только трамваев и газет. Вс+ — только отзвук Петрограда и волнение ожидания. Но нетерпеливые студенты и курсистки начали стекаться на Воскресенскую площадь, ожидая услышать что-то необыкновенное. Члены городской думы выходили к ним с речами. А потом потянулись и рабочие, обыватели, гуще толпа, потом и другие сходки по городу. Однако в самой думе кипели речи вс+ законной публики, не революционеров, а благомысленной части населения, — как ей запретить? Вс+ это если и требовало какого вмешательства, то только полицейского, не больше, и то не везде. Наводить порядок — дело полиции, волнение не направлено против войск, а касается внутренних вопросов. Но ни полиция, ни конная жандармерия нигде ничему не препятствовали, на всех заставах пропускала шествия с красными флагами. Близ думы топтался на конях жандармский эскадрон и не знал, что предпринять. Тогда почему же должны были действовать военные власти? А войска — были заведены в казармы, и сидели там.

359

вог, немало и внешних вызовов, но градус противостояния российского общества и власти невысок. Почему это так — отдельная тема, сейчас мы констатируем факт. Конечно, есть масса людей, которые не довольны властью, справедливо считают, что многое в стране идет косо, однако взаимной лютой ненависти между оппозицией и официальными властными институтами, как было даже пять лет назад, сегодня не видно. Тональность общения с обеих сторон перестала быть истерической, и не ощущается, слава богу, Поля, которое могло бы разодрать Россию на части.

Понятно, что власть хотела бы добиться всеобщего согласия и примирения. Это было бы прекрасно, никто не спорит, но подобного не достичь ценой забвения жестоких и постыдных страниц прошлого. Нужно все знать и все помнить. Нужно внятно, а не сквозь зубы осудить зверства, совершенные по отношению к своему народу, и только после этого можно примиряться и прощать.

Но пока, мне кажется, преобладает тенденция — просто забыть. Давайте, дескать, ради будущего и наших детей жить дружно, а все старое сотрем из памяти и не станем больше поминать. Такая позиция мстит. Скоро и жестоко. Если для кого-то она и выглядит соблазнительно, принимать ее ни в коем случае нельзя. Это попытка загнать болезнь внутрь, а не лечить ее.

Да, сегодня нам сложно прийти к согласию хотя бы в понимании, что такое хорошо и что такое плохо. «Крошка сын к отцу пришел...» Во-первых, мы не видим такого мудрого отца, который все объяснит и растолкует, во-вторых, никто не считает себя крохой, готовой выслушивать поучения и советы.

— Поэтому проще оглядываться не на сто лет, а на тысячу, возводить на пьедестал князя Владимира и снимать блокбастер про викинга?

— Безусловно. И проще, и безопаснее. Там, в глубине веков, нет родных могил, они стали общими, одинаково далекими. И даже в этом случае пойди попробуй договориться. Рюрик то ли славянин, то ли норманн...

— На открытие памятника на Боровицкой площади в День народного единства и согласия вы шли без сомнений?

— Я знала, ради чего иду. Конечно, любой исторический персонаж за редким исключением, вроде, может, Федора Иоанновича, имеет сомнительные периоды в своем правлении. И в биографии князя Владимира были ярко отталкивающие страницы. Он варвар по характеру и воспитанию, но смог круто повернуть и свою жизнь, и судьбу будущего русского государства. И не делал усилий обелить себя и подчистить летописи.

Для меня важно было сказать публично и в присутствии первого лица страны, что нужно иметь честность и мужество осудить зло, не оправдывать его и память о нем не заметать под ковер.

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

14

НУЖНО ВСЕ ЗНАТЬ И ВСЕ ПОМНИТЬ. НУЖНО ВНЯТНО, А НЕ СКВОЗЬ ЗУБЫ ОСУДИТЬ ЗВЕРСТВА, СОВЕРШЕННЫЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОЕМУ НАРОДУ, И ТОЛЬКО ПОСЛЕ ЭТОГО МОЖНО ПРИМИРЯТЬСЯ И ПРОЩАТЬ

° 14
В вермонтском доме у стеллажей библиотеки, собранной для написания «Красного Колеса».

Прекрасно понимала: за само участие в этом мероприятии наше фейсбучное сообщество оплюет меня с ног до головы. Ничего, и не такое переносила. Как говорится: у меня ляжка литая, не укусишь.

На это нервов и сил пока хватает.

Я большой кусок жизни провела в изучении нашей недавней истории, в материалах по «Красному Колесу» и имею основания утверждать, что в любой ситуации надо пытаться разговаривать с властью. Конечно, если власть того не хочет, трудно заставить себя слушать, однако нужно пытаться. Интеллигенция не должна любить власть, более того, она обязана ее критиковать, но конструктивно. А позиция — раз режим плох, то и пропади он пропадом, никакого дела с ним не будем иметь, — это позиция чистоплюйская. Глупо и наивно ждать: вот если нас допустят до рычагов управления, тогда мы выведем страну. Иллюзия! Умнейшие, достойнейшие люди из числа кадетов, получившие сто лет назад кабинеты во Временном правительстве, не сумели даже удержать власть, не то что распорядиться ею во благо. А я думаю, все согласятся, что были они не чета претендентам нынешним.

— Получается, как ни крути, остается «писать о феврале навзрыд».

— Писать можно и не «навзрыд», но при этом: «Не оставляйте стараний, маэстро, не убирайте ладони со лба».

Каждый должен в своей колее честно тянуть поклажу — смотришь, и вытянем на общую достойную дорогу. По пути неизбежно и ругаться. И с властью, и друг с другом. Но накал и остервенение к цели не приблизят. Это точно.

Статью Александра Солженицына «Размышления над Февральской революцией» читайте на сайте: rg.ru/articles/fevral1917